

УДК 316.472.3, 330.341.2

СКАНДИНАВСКИЙ УРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

© 2022 В.Б. Студенцов*

Кандидат экономических наук

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук.
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

**E-mail: studentcov.viktor@gmail.com*

Поступила в редакцию 09.10.2021

После доработки 15.11.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Цель статьи состоит в прояснении некоторых мировоззренческих аспектов нордического (скандинавского) индивидуалистического уравнительного общества. В отношении скандинавов высказываются крайне противоречивые суждения: с одной стороны, их характеризуют чуть ли не как крайних индивидуалистов, с другой — признают присущую им тягу к равенству. И то, и другое находит свое действительное подтверждение фактами. Данный мнимый парадокс разрешается просто: индивидуализм, как показал Г. Триандис, бывает горизонтальным и вертикальным. Скандинавским странам присущ именно горизонтальный, или, иначе говоря, уравнительный индивидуализм. Данное обстоятельство было ранее осмыслено местными учёными М. Гюллестад и О. Дауном. Хотя социал-демократические правительства приложили немало усилий для поддержания такого специфического положения вещей, есть все основания полагать, что оно начало складываться задолго до их прихода к власти. Логическим завершением практики формирования государства всеобщего благосостояния в Скандинавии стал (по характеристике Л. Трэгорда, частично опиравшегося на идеи Г. Мюрдаля) государственнический (этатистский) индивидуализм: индивидуализм с опорой на государство, одной из важнейших черт которого является равенство.

Ключевые слова: Скандинавия, государство всеобщего благосостояния, культура, ментальность, индивидуализм, равенство, эгалитарный индивидуализм, этатистский (государственнический) индивидуализм.

DOI: 10.31857/S0201708322010120

Практика государства всеобщего благосостояния в скандинавских странах представляет собой специфический феномен, недаром её выделяют в отдельную категорию (как социал-демократическую [Esping-Andersen, 1990] или же как нордическую

модель [Alesina, Glaeser, 2006: 57]). Основания для этого весомы – до определенного времени она отличалась не только большей щедростью, но также всеобщностью (т.е. предоставлением социальной помощи без проверки нуждаемости) и эгалитарностью.

Каковы же факторы, обусловившие «нордический социализм»? Общества региона характеризуются высокой этнической, языковой, религиозной, культурной и социальной однородностью. Вследствие этих факторов, а также децентрализации государственного управления и широкой выборности [Bjørnskov, Svendsen, 2002] здесь наблюдается высокий, практически исключительный уровень всеобщего (general) доверия [Delhey, Newton, 2005]. Как писал приверженец либерального национализма британский политолог Д. Миллер (1946-), социальная справедливость «всегда легче достижима в государствах с сильной национальной идентичностью» и что в отсутствие общей национальной идентичности «доверие может существовать внутри [отдельных] групп, но не между ними» [цит. по Johnson et al, 2010: 352]. Трудно отрицать, что при прочих равных условиях, страны с сильной национальной идентичностью имеют преимущества перед другими в солидарности [Campbell, Hall, 2009]. В частности, замечено, что в этнически однородных странах масштаб перераспределения государством доходов значительно больше по сравнению с теми, где общество относительно гетерогенно [Alesina, Glaeser, 2006: 53].

Различия режимов (моделей) социального государства в разных странах определяются в широком смысле слова культурой народов, т.е. их строем мышления, мировоззрением. Успешность государства всеобщего благосостояния Северной Европы во многом зиждется на отличающем её народы сплаве индивидуализма, стремления к равенству и доверия государству.

Особенные индивидуалисты

Скандинавы, как и большинство европейцев, конечно же принадлежат к западной, индивидуалистической культуре, где субъект осознает себя, прежде всего, отдельной личностью, идентичность которой определяется его персональными качествами и способностями. В отличие от этого в коллективистской культуре субъект теснейшим образом встроен в некую социальную общность (семью, род, племя и т.д.) и ощущает себя не столько чем-то отдельным от неё, сколько её составной частью и/или элементом.

Индивидуализм обычно ассоциируют с преследованием личного интереса, с эгоизмом, гедонизмом, стремлением к самореализации. Побочным продуктом так определяемого индивидуализма признаются среди прочего конфликтность, отчуждение, разобщение и т.п. Закономерно, что таким образом понятый индивидуализм нередко оценивается отрицательно. Существует и положительно или нейтрально оцениваемый индивидуализм как простое стремление субъекта к свободе, самостоятельности, независимости и т.п. [Gullestad, 1991: 4; Gustavsson, 2008].

На практике провести различие между этими индивидуализмами бывает непросто. Так, нидерландский исследователь Г. Хофстеде (1928–2020), оценивавший в течение ряда лет характеристики различных культур, наиболее индивидуалистическими странами признавал США (по его шкале, 91 балл из 100), Австралию (90) и

Соединённое Королевство (89). Скандинавские страны, хотя и значительно уступали в индивидуализме англо-саксонским, всё же опережали многих европейцев, кроме жителей Нидерландов (80 балл), Бельгии и Италии. Датчане (74), шведы (71), норвежцы (69) – шли следом за ними, впрочем, французы удостоились такой же оценки, как и шведы [Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov, 2010: 95]. По более поздним данным М. Минкова, соавтора и последователя Хофстеде, наибольшим индивидуализмом характеризовались всё же вовсе не США, а Нидерланды, за которыми в этой своеобразной таблице о рангах непосредственно располагались Дания, Швеция и Норвегия [Minkov, 2018]. И совсем недавно для того чтобы отделить субъективные оценки индивидуализма от его объективного измерения, Минков вслед за К. Вельзелем стал оперировать понятием «эмансипации». По шкале эмансипации как мерил «объективного» индивидуализма (в противовес «субъективному» по Хофстеде) скандинавские страны существенно опережают своих преследователей, занимая пять из первых восьми мест. Первой идёт Швеция, затем (за Швейцарией и Нидерландами) следуют Дания, Финляндия и Норвегия, и, пропустив вперед ФРГ, — Исландия. Что касается США, то они оказались только на двадцать четвёртом месте [Minkov, Kaasa, 2021: 255].

Столь значительный разброс оценок говорит как о некоторой неопределённости понятия индивидуализма, так и неспособности найти точное его мерило. В отсутствие такового исследователям приходится изощряться в конструировании показателей-заменителей. При исследовании последствий массовой скандинавской эмиграции XIX–XX вв. в США А. Кнудсен использовала в качестве показателя индивидуализма необычность личных имён, что приняла за свидетельство неконформизма, амбициозности и индивидуализма, давших их родителей. Анализируя реестры населения и списки отправлявшихся за океан пассажиров, она обнаружила, что в последних доля лиц с необычными именами непропорционально велика. Из этого сделан вывод, что в эмиграцию отправлялись более индивидуалистически настроенные лица, что способствовало большей однородности личных имён оставшихся на родине лиц и предположительно морально-нравственной однородности. По предположениям ученого в результате миграции индивидуализм в Скандинавии сократился – примерно на 4 процента в Дании, и на 10 и 13 процентов в Швеции и Норвегии [Knudsen, 2019: 3]. Впрочем, Кнудсен, вероятно, не была вполне уверена в достоверности этих оценок, так как в более позднем варианте данного исследования они уже не приводятся [Knudsen, 2021].

В Скандинавии индивидуализм в смысле самостоятельности и опоры на собственные силы считается нормой, зависимость в чем-либо от других постыдна. Шведский этнолог О. Даун достаточно полно документировал такую черту шведского характера, как стремление к независимости. В этой стране многие супружеские пары имеют отдельные бюджеты; общие счета домохозяйства (за наём квартиры, электричество и т.п., еду и пр.) оплачивают поровну, но то, что потребляется индивидуальное потребление, – по отдельности [Daun, 1991: 166]. Супруги облагаются подоходным налогом отдельно, а не совместно как в некоторых странах. В барах и ресторанах типично платить каждому за себя в порядке вещей – купив сигарету у знакомого. Оказавшиеся в кампусах за рубежом студенты-шведы, равно

как и их пожилые соотечественники в домах престарелых на родине, не проявляли готовности делить с кем-то свой кров, предпочитая одиночество. Кстати, взрослые дети и престарелые родители юридически не считаются членами одной семьи. В случае отдельного проживания на предоставленной близкими родственниками площади жильцы должны были либо декларировать оплату арендной платы по рыночной ставке, либо платить налог на вмененный резидентский или же жилищный доход [Daun, 2006: 104]. Характерно, что в Швеции зарегистрирована самая высокая в мире доля домохозяйств, состоящих из одного человека.

Ключевым представлением норвежского индивидуализма, по суждению антрополога М. Гюллестада (1946–2008), также является независимость [Gullestad, 1991: 4]. Установление близких отношений чревато вовлечением в заботы и проблемы другого человека, чего скандинавы и норвежцы стараются избегать. «Отстранённость кажется представляет собой важнейшую и базисную черту норвежской модели личности... – писал норвежский исследователь К. Йонассен. – Отстранённость складывается из многих характерных черт: из потребности в приватности, необходимости в уединении, замкнутости, эмоциональной отрешённости, рациональности, определённости, ригидности, уникальности, независимости, самообеспеченности, избегании конкуренции, уклонении от видимых знаков престижа и успеха...» [цит. по Gullestad, 1986: 54]. Описанные особенности не являются монополией норвежцев и в той или иной степени характерны для большей части скандинавов.

Однако индивидуализм индивидуализму рознь. Американский психолог Г.Х. Триандис (1926–2019) выделил в понятии «индивидуализм» два аспекта – горизонтальный и вертикальный. Скандинавам присущ именно первый, тогда как американцам – последний. Тот, кто исповедует вертикальный индивидуализм, ориентирован на личные достижения, статус, иерархию и конкуренцию. Именно вертикальный индивидуализм сопряжён с феноменами эгоизма, стремления к наживе и т.п. В свою очередь, горизонтальные индивидуалисты поддерживают идею равенства, ценят свободу быть самим собой, не стремятся кого-то опередить, нацелены на достижение консенсуса, бесконфликтность. Побочная сторона такого индивидуализма – равенство [Triandis, 2018; Triandis, Gelfand, 1998]. Неслучайно Гюллестада обозначала своих соотечественников как «эгалитарных индивидуалистов» [Gullestad, 1991].

«С равенством в крови»

Индивидуализм как излишнее проявление своего «я», выпячивание себя, несущее с собой опасности разрушения равенства, в скандинавских странах не только не поощряется, но пресекается. Иными словами, народы этих стран отторгают вертикальный индивидуализм.

Ярким свидетельством этому существование в Скандинавии неформального кодекса поведения, основанного на «законе Янте». Данный закон или комплекс предписаний, – продукт литературного творчества датско-норвежского писателя А. Сандмусе (1899–1965). Впрочем, он приписывал себе лишь формулирование того, что всем было хорошо известно. В опубликованном в 1933 г. романе «Беглец пере-

секает свой след» автор вывел вымышленный провинциальный датский городок Янте, в котором жизнь регулируется определёнными неписаными правилами:

- «– Не думай, что ты особенный;
- Не думай, что ты нам ровня;
- Не думай, что ты умнее нас;
- Не воображай, что ты лучше нас;
- Не думай, что ты знаешь больше нас;
- Не думай, что ты важнее нас;
- Не думай, что ты всё умеешь;
- Тебе не следует смеяться над нами;
- Не думай, что кому-то есть до тебя дело;
- Не думай, что ты можешь нас поучать» [Сидельникова, 2013: 100–101].

Приводимые исследователями формулировки закона Янте могут чуть различаться стилистически, но не по содержанию [см., напр., Бут, 2017: 111]. По словам Сандмусе, прототипом Янте послужил его родной город в датской глубинке, где господствовали приведённые в романе нормы поведения. Однако по его признанию, ареал действия этого своеобразного закона вовсе не ограничивался Данией, а включал и другие скандинавские страны. Он и сейчас в целом соблюдается в Скандинавии всеми слоями общества. Известно немало недавних случаев, когда проявление излишней самости не только встречается окружающими презрением, но даже «карается».

Наряду с законом Янте функцию общественного подстраивания или «выравнивания» выполняют также ставшие общескандинавскими практики – ранее бывшая когда-то только шведской «лагом» (*lagom*) и в свое время исключительно датская «хюгге» (*hygge*). Лагом представляет собой неписаное нравственное правило, постулирующее умеренность, соразмерность действий, оптимальный образ поведения с акцентом на справедливость. Хюгге включает в себе такие понятия, как уют, покой, но с обязательным требованием не выделяться в общении, избегать «острых углов», стремиться к достижению компромисса [Бут, 2017: 121].

Очевидно, что закон Янте и аналогичные практики нацелены не на принижение достоинства субъекта, а на стремление смирить его самость и самомнение, на ограничение вертикального индивидуализма. Функциональная задача закона Янте, лагом и хюгге заключена в социальном уравнивании, усреднении людей, что должно обеспечивать их гармоничное и бесконфликтное встраивание в общество, ориентацию на компромисс или даже консенсус, на продвижение общего, а не индивидуального интереса. «В шведском мире инаковость всегда была чем-то нежелательным, – утверждал британский публицист Р. Хантфорд, – наполовину грехом, наполовину болезнью» [Huntford, 1972: 345]. И он же добавляет: «В Швеции быть отличным от других – значит взвалить на себя чувство вины и быть наибольшим из неудачников» [Huntford, 1972: 322]. Это суждение справедливо не только для Швеции, но и для других стран региона.

Вопрос о том, является ли стремление к равенству унаследованной от прошлого особенностью, исторической чертой, конституирующей некий «особый путь» развития Скандинавии, или же оно – продукт современности, порождение долгих лет

социал-демократического правления, остается предметом споров. Истина находится где-то посредине – установка на равенство имеет исторические корни, но активно поддерживалась именно социал-демократическими правительствами.

«Несмотря на “городской” фасад современных государств всеобщего благосостояния, – писал журналист, впоследствии ставший историком Г. Даль, – северные страны во многих отношениях остаются подавляюще деревенскими» [Dahl, 1984: 98]. Именно сельский радикализм, по его мнению, лежит в основе синдрома равенства скандинавских стран [Dahl, 1984: 100]. Подобные закону Янте нормативные «кодексы» возникали на преимущественно аграрных территориях.

Критики скандинавской модели поведения нередко говорят о том, что идеология усреднения плодит посредственностей, поскольку стандарт задаётся отстающими, талант якобы уступает место серости. «Большинство скандинавов вполне осознают, что наш образ жизни не поощряет гениев, – признавал датский экономист и политик (побывавший в том числе министром социальных дел) Б. Андерсен (1929–2016). – Настаивая на равенстве, мы возможно «рубим головы людей высокого роста». <...> это кажется ценой, которую необходимо заплатить за то, что мы почти страстно желаем <...> места под солнцем для рядовых людей, включая тыльных. Равенство воспринимается наиболее существенной частью нордического богатства» [Andersen, 1984: 110]. «Тот, кто считает нордическую “посредственность” продуктом государства всеобщего благосостояния, – писал он, – безусловно ошибается. Мы должны говорить скорее не о заурядности, а о страсти к равенству. Но это мироощущение существовало задолго до возникновения государства всеобщего благосостояния. Оно – существенная часть нашего культурного наследия; оно в нашей крови. Государство всеобщего благосостояния не создало эту страсть к равенству...» [Andersen, 1984: 110–111].

Приверженность к равенству действительно унаследована от мировоззрения аграрных обществ с решительным преобладанием крестьянского населения, каковыми во многом оставались скандинавские страны до середины прошлого века. Причем, одни государства (как Швеция) вообще не знали крепостничества, в других же – оно было не столь обременительно, как во многих других странах Европы. Ни природные условия, обуславливавшие небольшие размеры обрабатываемой земли, ни малонаселенность не благоприятствовали развитию батрачества. В Швеции с XVII в. дворянство лишилось своих поместий, в Норвегии в начале XIX в. оно было вовсе упразднено [Pratt, 2008]. В результате имущественные различия классов не были ярко выражены. Крестьянские общины были в значительной мере самоуправляемы. В конце XVII в. в Швеции четвертое сословие (крестьянство) владело половиной недвижимости страны. Ещё довольно долго продолжали существовать коллективные и кооперативные практики «работа всем миром», общинное пользование [Tragardh, 2014a: 143]. Буржуазия зародилась в Северной Европе поздно и была слаба.

Зачатки социального государства в Скандинавии появились задолго до социал-демократического правления – в конце XIX в. (в Дании для некоторых категорий граждан пенсия по возрасту стала выплачиваться еще в 1891 г., а первая всеобщая государственная пенсия для лиц старше 65 лет – с 1913 г.) На рубеже XX в. элементы государственного социального обеспечения стали вводиться и в Швеции. Но эти

попытки были робки. Однако по мере нарастания индустриализации и урбанизации и особенно в период Великой депрессии не только стала ощущаться острая потребность в более активном государственном вмешательстве в экономические и социальные процессы, но и произошло значительное полевание политического спектра Скандинавии. В конце 1920-х и начале 1930-х гг. в Дании, Швеции и Норвегии пришли к власти левые силы, соответственно — социал-демократы, коалиция социал-демократов и аграриев и Рабочая партия. При всех частных различиях их программ они сходились в необходимости проведения кейнсианской политики поддержания совокупного спроса и занятости и организации масштабного социального вспомоществования. Общим было и заключение компромисса с буржуазией, которая, в свою очередь, согласилась на классовый мир. Отказ от радикализма был во многом предопределён глубокой встроенностью скандинавских экономик в мировое хозяйство. В ходе многолетнего правления в Скандинавии лево-реформистских партий и сложилась особая практика социального государства с указанными в начале статьи чертами, прежде всего эгалитаризмом.

Отсутствие резких классовых различий и обусловило относительное равенство, которое проявляется даже визуально – люди стараются не выделяться. Внешним проявлением равенства стало сходство. Гюллестад определяет равенство именно как сходство (*sameness*)¹ [Gullestad, 1991], которое «поддерживается посредством избегания контактов с людьми, о которых мало информации, стилем отношений, подчёркивающим сходство, и отказом от общения с людьми, считающимися слишком другими. <...> Посредством отгораживания от подобных людей эгалитарный идеал распространяется на людей одного и того же класса. Эгалитарная идея поддерживается посредством воздержания от общения с неравными» [Gullestad, 1986: 60–61].

Государство всеобщего благосостояния и этатистский индивидуализм

Если Гюллестад характеризовала скандинавов как эгалитарных индивидуалистов, то шведский историк Л. Трэгорд определяет их как государственных (этатистских) индивидуалистов². И та, и другая характеристика верна, но акценты разные: последняя подчёркивает, что в силу, с одной стороны, ярко выраженного индивидуализма, а с другой, стремления к равенству естественным связующим звеном между гражданами стран Северной Европы является государство.

Характерное для скандинавов доброжелательное, приязненное отношение к государству во многом уходит корнями в лютеранство [Naumann, Patterson, 2020].

¹ В тех же самых словах о своём понимании равенства писал Даун. См. в том числе Чернышева [Чернышева, 2007].

² Справедливости ради, отметим, что Гюллестад писала преимущественно о своих соотечественниках-норвежцах, а Трэгорд относит свои оценки, казалось бы, исключительно к шведам. Но иногда они как бы проговариваются и распространяют свои выводы на весь регион Северной Европы, что закономерно, так как описываемые ими феномены имеют общескандинавскую природу.

Догматика и этика этой ветви протестантизма пронизаны идеями индивидуализма, автономии и солидарности, но в отличие от реформатства, легитимируют позитивную и доминирующую роль государства в общественных процессах. К тому же в учении о двух – духовном и земном – царствах, которое лежит в основе взаимоотношений лютеранской церкви с государством и обществом, всегда подчеркивалась обязанность государственной власти заботиться о земном благе людей, и она стремилась претворить это требование на практике.

«Стержнем шведской (читай – скандинавской, В.С.) модели является союз между государством и индивидом, который резко контрастирует с присущими англосаксам подозрительным отношением к государству и предпочтением решать проблему благосостояния на основе семьи и институтов гражданского общества, – пишет Трэгорд. – В обществе высокого доверия, каковым является Швеция, государство рассматривается, скорее, как друг, нежели враг» [Trägårdh, 2012]. Особенность шведского индивидуализма состоит именно в том, что он – государственный, в отличие от американского, который является антиэтатистским [Trägårdh, 2013; Trägårdh, 2014b: 13]. При отказе от традиционной социалистической цели национализации банков и производственных отраслей шведская модель «характеризуется предельной формой этатизма» [Trägård, 2018].

В основе имплицитного контракта «между сильным и добрым государством, с одной стороны, и эмансипированным и автономным индивидом, с другой» [Trägård, 2018] лежит то, что Трэгорд называет «шведской теорией любви» – принцип, что «подлинные человеческие отношения возможны только между автономными и равными индивидами. Идеальное отношение между двумя лицами должно основываться на взаимной независимости»¹. Понимая, что у многих иностранцев, кто привык считать, что сама суть любви состоит во взаимозависимости, сопряжённости, подобный вывод может вызвать непонимание, Трэгорд указывает, что таков преобладающий шведский менталитет [Trägård, 2012]. Данное специфическое миропонимание им и его соавтором Х. Берггреном разъясняется так: «наиболее важной ценностью в жизни является самодостаточность и независимость от любого члена сообщества. Человек, который вынужден зависеть от своих сограждан, подчинён и неравен. Это плохо само по себе. Но ещё хуже, когда тот, кто в долгу, для того чтобы выжить, должен полагаться на милосердие и доброту не только незнакомцев, но и своих близких товарищей; он становится ненадёжным. Его зависимость от других заставляет его общаться и поддерживать хорошие отношения с людьми, которые могут ему не нравиться. Он становится нечестным и неискренним» [Berggren, Trägårdh, 2010:12]. «Отвергая любовь как подразумевающую неравные и иерархические отношения и вместо этого основывая этос любви на принципе эгалитаризма, шведская теория любви утверждает, что все формы зависимости повреждают истинную любовь. Только взаимная автономия может гарантировать подлинность

¹ О стремлении к подобной автономии, свободе, независимости от других – будь то соседи, родственники, работодатели и кто-бы то ни было ещё – до Трэгорда писал Даун [Daun, 2006: 104].

и честность в человеческих отношениях» [Berggren, Trägårdh, 2010: 12–13]. Государство всеобщего благосостояния позволяет добиться этого, и поэтому «оно приветствуется в качестве освободителя от традиционных несущих неравенство форм общности, в том числе от семьи, благотворительных организаций и церквей» [Trägårdh, 2012]. «Основная цель шведской модели – максимизировать независимость индивида. Рисовать его в качестве общественного животного совершенно ошибочно, современный швед – гипериндивидуалист» [цит. по Ekman, 2006].

В свое время теоретическое обоснование экономической и социальной эмансипации было дано ставшим впоследствии лауреатом присуждаемой Банком Швеции премии имени Нобеля по экономике Г. Мюрдалем. Он был озабочен достижением «экономической интеграции» общества, понимаемой в широком социальном аспекте¹. «*Экономическая интеграция*» – это осуществление старого идеала равенства возможностей², – писал он, – важным элементом которого «является ослабление социальной скованности, мешающей индивидам свободно выбирать условия своей работы и жизни. Экономика не интегрирована, если не для каждого открыты все пути, и, если вознаграждение, уплачиваемое за производительные услуги, не является равным для всех...» [Мюрдаль, 1958: 48–49]. «Постепенное достижение равенства возможностей предполагает, – заявлял Мюрдаль, – возникновение общества с еще большей социальной мобильностью...» [Мюрдаль, 1958: 49]. О том, что шведским идеалом является именно равенство возможностей (а вовсе не само полное равенство), писал и Трэгорд [Trägårdh, 1990: 578]. Однако на практике «ослабление социальной скованности» потребовало не только равенства возможностей, но и большего фактического равенства, а потому вся многолетняя деятельность скандинавской социал-демократии была подчинена реализации именно этой задачи. Впрочем, по Трэгорду, речь шла опять-таки не столько о выравнивании доходов, сколько об изыскании средств для поощрения социальной мобильности и открытия равных возможностей. Он солидаризируется с теми, кто считает, что «нордические страны представляют собой не столько «государства благосостояния», сколько «государства социальных инвестиций»³ [Trägårdh, 2020: 31]. Имеется в виду, что значительная или даже преобладающая доля социальных расходов государства направляется на поддержание и/или совершенствование человеческого капитала (на образование, здравоохранение и т.п.) и другие социальные инвестиции, а не на текущее потребление.

Трэгорд видит достоинства и преимущества «этатистского индивидуализма» в полной эмансипации субъекта. Но у этой свободы есть обратная сторона – развитие государства всеобщего благосостояния способствует разрушению семейных, родственных и дружеских связей. Своей помощью – денежными выплатами и предоставлением услуг, государство, с одной стороны, заменяет и замещает помощь

¹ «Однородная культура, – писал О. Даун, – представляет собой интегрированную культуру <...> Шведская культура – однородна...». Такова же, по его мнению, была культура в Норвегии [Daun, 2006: 98, 102].

² Курсив оригинала.

³ См. Towards a Social Investment Welfare State?: Ideas, Policies and Challenges. Morel N., Palier B., Palme J. (eds.), Bristol-Chicago. 2012.

близких (членов семьи, родственников, друзей и т.п.), с другой, высвобождает у индивида (прежде всего, матерей) время для производительного труда за рамками семьи. Вследствие активной и щедрой государственной социальной поддержки экономический аспект привлекательности и необходимости брака резко падает. Растущая автономизация, взаимное отчуждение скандинавов привели к росту зависимости от государства, которое в XX в. злоупотребило своими полномочиями, развернув кампанию по принудительной стерилизации. В наши дни своеобразную эстафету от неё приняла крайне неоднозначная по идеологии и по результатам практика ювенальной юстиции.

В последние десятилетия скандинавский регион стал несколько отставать от других развитых стран в экономическом росте и повышении уровня жизни, что спровоцировало приход к власти сил, ставивших своей задачей в том числе переосмотр различных сторон социального государства. В результате государство лишилось монополии на предоставление части социальных услуг, что позволило несколько снять напряженность государственных финансов. Однако обратной стороной этого процесса явилось некоторое увеличение социального неравенства и изменения в менталитете. Впрочем, коренного слома последнего не произошло – ценности людей инерционны и меняются в течение достаточно длительного времени.

Социальное государство скандинавских стран в настоящий момент проходит проверку на прочность и в связи с ростом инокультурной иммиграции. Выходцам из других стран и регионов планеты сложно воспринять миропонимание и нормы поведения северных народов (как бытовые – тягу к равенству и равноправию, стремление к уединению и т.д., так и социально-политические) [Плевако, Чернышева, 2019: 100–103, 151–161 и др.]. Размывание этнической и ментальной однородности государств Северной Европы потенциально опасно разрушением взаимного доверия, что может пагубно сказаться на уравнительном строе жизни. Но возврата к прежнему, видимо, уже не будет – к новым условиям жизни придется приспособляться как автохтонному населению, так и иммигрантам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бут М. (2017) *Почти идеальные люди: вся правда о жизни в «скандинавском раю»*. Пер. с англ. «Э», Москва, Россия. 512 с.

Мюрдаль Г. (1958) *Мировая экономика: Проблемы и перспективы*. Пер. с англ. Издательство иностранной литературы. Москва, Россия. 555 с.

Сидельникова М. (2013) Один как все. *Вокруг света*. № 6 (2873). С. 98–106.

Плевако Н.С., Чернышева О.В. (2019) Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. Изд. 2-е. доп. КРАСАНД. Москва, Россия. 320 с.

Чернышева О.В. (2007) Оке Даун. Изба на седьмом этаже. Шведский менталитет в мультикультурном мире. Стокгольм, 2005. (Рецензия). *Новая и новейшая история*. № 2. С. 210–213.

Alesina A., Glaeser E.L. (2006) Why Are Welfare States in the US and Europe so Different. *Horizons Stratégiques*. No. 2, pp. 51–61. <https://www.cairn.info/revue-horizons-strategiques-2006-2-page-51.htm> (accessed: 18.10.2021)

Andersen B. R. (1984) Rationality and Irrationality of the Nordic Welfare State. *Daedalus*, Vol. 113, No. 1, pp. 109–139. <https://www.jstor.org/stable/20024904> (accessed: 18.10.2021)

Berggren H., Trägårdh L. (2010) Pippi Longstocking: The Autonomous Child and the Moral Logic of the Swedish Welfare State. in Mattson H. Wallenstein S.-O. (eds.) *Swedish Modernism: Architecture, Consumption and the Welfare State*. London: Black Dog Publishing, pp. 10–23.

Bjørnskov C., Svendsen G.T. (2002) Why Does the Northern Light Shine So Brightly? Decentralisation, Social Capital and the Economy. Aarhus University Working Paper 02-15, Aarhus. <https://www.core.ac.uk/download/pdf/7107257.pdf> (accessed: 18.10.2021)

Campbell J.L., Hall J.A. (2009) National Identity and the Political Economy of Small States. *Review of International Political Economy*, Vol. 16. No. 4, pp. 547–572. doi: 10.1080/09692290802620378

Dahl H. F. (1984) Those Equal Folks. *Daedalus*, Vol. 113. No. 1, pp. 93–107. <https://www.jstor.org/stable/20024903> (accessed: 18.10.2021)

Daun Å. (1991) Individualism and Collectivity among Swedes. *Ethnos*, Vol. 58, No. 3–4: 165–172. Doi: 10.1080/00141844.1991.9981433

Daun Å. (2006) *Swedish Mentality*. Fifth Impression. Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania.

Delhey J., Newton K. (2005) Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism. *European Sociological Review*, Vol. 21, No. 4, pp. 311–327. <https://www.jstor.org/stable/4621213> (accessed: 18.10.2021)

Ekman I. (2006) Like Garbo, Swedes Just Want to Be Alone – Europe – International Herald Tribune. The New York Times, 13 November. <https://nytimes.com/2006/11/13/world/europe/13iht-swedes.3512334.html> (accessed: 18.10.2021)

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.

Gullestad M. (1986) Symbolic “Fences” in Urban Norwegian Neighbourhoods. *Ethnos*, Vol. 51, No. 1-2, pp. 52–70. <https://doi.org/10.1080/00141844.1986.9981313>

Gullestad M. (1991) The Scandinavian Version of Egalitarian Individualism. *Ethnologia Scandinavica*, Vol. 21, pp. 3–18.

Gustavsson G. (2008) What Individualism Is and What Is Not: Or the Ideals of Pippi Longstocking and Lisa Simpson. *Uppsala University Working Paper*. Uppsala.

Hofstede G., Hofstede G. j., Minkov M. (2010). *Culture and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw Hill.

Huntford R. (1972) *The New Totalitarians*. London: Allen Lane.

Johnson R., Banting K., Kymlicka W., Soroka S. (2010) National Identity and Support for the Welfare State. *Canadian Journal of Political Science*, Vol. 43, No 2, pp. 349–377. doi: 10.107/S0008423910000089

Knudsen A.S.B. (2019) Those Who Stayed: Individualism, Self-Selection and Cultural Change during the Age of Mass Migration. *Discussion Paper* No. 19-01. Department of Economics. University of Copenhagen. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3321790>

Knudsen A.S.B. (2021) Those Who Stayed: Selection and Cultural Change in the Age of Mass Migration. <https://annesofiebeckknudsen.com/wp-content/uploads/2021/09/thosewhostayed.pdf> (accessed: 18.10.2021)

Minkov M. (2018) A Revision of Hofstede's Model of National Culture: Old Evidence and New Data from 56 Countries. *Cross Culture and Strategic Management*, Vol. 25, No. 2, pp. 231–256. doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033

Minkov M., Kaasa A. (2021) A Test of the Revised Minkov-Hofstede Model of Culture: Mirror Images of Subjective and Objective Culture Across Nations and the 50 US States. *Cross-Cultural Research*, Vol. 55, No. 2–3, pp. 230–281. doi: 10.1177/10693971211014468

Naumann I.K., Patterson L. (2020). Why Swedes Trust the State and Scots Do Not: An Explanation of the Diverse Protestant Roots of Modern Welfare Systems. *Journal of Historical Sociology*, Vol. 33, No. 4, pp. 473–488. Doi: 10.1111/johs. 12299.

Pratt J. (2008) Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess. Part I: The Nature and Roots of Scandinavian Exceptionalism. *British Journal of Criminology*, Vol, 48, No. 2, pp. 119–137. doi: 10.1093/bjc/azm072

Trägårdh L. (2018) Is the “Swedish Model” of Social Democracy Endangered? The Nation, September 17, 2018. <https://www.thenation.com/article/achive/is-the-swedish-model-of-social-democracy-endangered/> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (2014a) Nordic Magic and the Paradox of Asocial Sociability. *Cliodynamics. The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, Vol. 5, No. 1, pp. 141–145. DOI 10.21237/C7clio5125318 <https://escholaship.org/uc/item/6xw505xh> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (2014b). Statist Individualism: The Swedish Theory of Love and Its Lutheran Imprint. in Halldorf J., Wenell F. (eds.) *Between the State and the Euharist: Free Church Theology in Conversation with W.T. Cavanaugh*. Eugene (Oregon). Pickwick, pp. 13–38.

Trägårdh L. (2013). The Historical Incubators of Trust in Sweden: From the Rule of Blood to the Rule of Law. in Reuter M., Wijkström F., Ugglå Kristensson B. (eds.) *Trust and Organizations: Confidence across the Borders*. New York. Palgrave Macmillan, pp. 181–203.

Trägårdh L. (2012) The Swedish Model is the Opposite of the Big Society, David Cameron. *The Guardian*, February 10. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/feb/10/swedish-model-big-society-david-cameron> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (1990) The Swedish Model or Swedish Culture? *Critical Review*, Vol. 4, No. 4, pp. 569–590. DOI: 10.1080/08913819008459622

Trägårdh L. (2020) The Swedish Social Contract. Social Trust and the Moral Economy of Reciprocity. *IPPR Progressive Review*, Vol. 27, No. 1, pp. 29–38. DOI: 10.1111.newe.12196

Triandis H.C., Gelfand M.J. (1998) Converging Measurement of Horizontal and Vertical Individualism and Collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 74, No. 1, pp. 118–128.

Triandis H.C. (2018) *Individualism and Collectivism*. New York; Abingdon Oxon. Routledge.

Scandinavian Egalitarian Individualism and the Welfare State

V.B. Studentsov*

Candidate of Science (Economics)

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997.*

***E-mail:** studentcov.viktor@gmail.com

Abstract. This essay discusses the nature and roots of Scandinavian egalitarianism and its relation to the welfare state. Nordics are reckoned to be among the most individualistic nations of the world which seemingly strongly contradicts with their passion for equality as embodied in the law of Jante, lagom, hygge and the like everyday patterns of equalization behavior. However, the author finds this presumed paradox to be a false one as Nordics practice what H. Triandis called horizontal individualism that values equality. Nordic researchers especially M. Gullesstad and A. Daun were first to discern this feature of Scandinavians' mentality naming them "egalitarian individualists". High general trust, aspiration for equity and equality seem to be at least partly the legacy of the Lutheran Church as well as agrarian peasant heritage that continues to survive in modern predominantly urban Scandinavia. Whatever the historical origins of this fusion of individualism and equality Social-democratic governments have capitalized on it by adopting policies that deliberately promoted equality in many spheres of social life. "Statist individualism", a concept firstly formulated by L. Trägårdh (presumably having a kind of predecessor in G. Myrdahl) defining an implicit contract between the state and an individual seems to be an adequate description of the current state of Scandinavian mentality.

Key words: Scandinavia, welfare state, culture, mentality, individualism, equality, egalitarian individualism, statist individualism.

DOI: 10.31857/S0201708322010120

REFERENCES

- Alesina A., Glaeser E.L. (2006) Why Are Welfare States in the US and Europe so Different. *Horizons Stratégiques*. No. 2, pp. 51–61. <https://www.cairn.info/revue-horizons-strategiques-2006-2-page-51.htm> (accessed: 18.10.2021)
- Andersen B. R. (1984) Rationality and Irrationality of the Nordic Welfare State. *Daedalus*, Vol. 113, No. 1, pp. 109–139. <https://www.jstor.org/stable/20024904> (accessed: 18.10.2021)
- Berggren H., Trägårdh L. (2010) Pippi Longstocking: The Autonomous Child and the Moral Logic of the Swedish Welfare State. in Mattson H. Wallenstein S.-O. (eds.) *Swedish Modernism: Architecture, Consumption and the Welfare State*. London: Black Dog Publishing, pp. 10–23.
- Bjørnskov C., Svendsen G.T. (2002) Why Does the Northern Light Shine So Brightly? Decentralisation, Social Capital and the Economy. Aarhus University Working Paper 02-15, Aarhus. <https://www.core.ac.uk/download/pdf/7107257.pdf> (accessed: 18.10.2021)
- But M. (2017) *Pochti ideal'nye lyudi: Vsya pravda o zhizni v "scandinavskom rayu"*. [Almost Ideal People: The Whole Truth about Life in the "Scandinavian Paradise"]. Moscow: «E». 512 p. (in Russian).
- Campbell J.L., Hall J.A. (2009) National Identity and the Political Economy of Small States. *Review of International Political Economy*, Vol. 16. No. 4, pp. 547–572. doi: 10.1080/09692290802620378

Chernysheva O.V. (2007) Oke Daun. Izba na sed'mom etazhe. Shvedskij mentalitet v mul'tikul'turnom mire. Stokgol'm, 2005. (Recenziya). [Ake Daun. Hut on the Seventh Floor. Swedish Mentality in a Multicultural World. Stockholm, 2005. (Review)]. *Novaya i novejshaya istoriya*, No. 2, pp. 210–213. (in Russian).

Dahl H. F. (1984) Those Equal Folks. *Daedalus*, Vol. 113. No. 1, pp. 93–107. <https://www.jstor.org/stable/20024903> (accessed: 18.10.2021)

Daun Å. (1991) Individualism and Collectivity among Swedes. *Ethnos*, Vol. 58, No. 3–4: 165–172. Doi: 10.1080/00141844.1991.9981433

Daun Å. (2006) *Swedish Mentality*. Fifth Impression. Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania.

Delhey J., Newton K. (2005) Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism. *European Sociological Review*, Vol. 21, No. 4, pp. 311–327. <https://www.jstor.org/stable/4621213> (accessed: 18.10.2021)

Ekman I. (2006) Like Garbo, Swedes Just Want to Be Alone – Europe – International Herald Tribune. The New York Times, 13 November. <https://nytimes.com/2006/11/13/world/europe/13iht-swedes.3512334.html> (accessed: 18.10.2021)

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.

Gullestad M. (1986) Symbolic “Fences” in Urban Norwegian Neighbourhoods. *Ethnos*, Vol. 51, No. 1-2, pp. 52–70. <https://doi.org/10.1080/00141844.1986.9981313>

Gullestad M. (1991) The Scandinavian Version of Egalitarian Individualism. *Ethnologia Scandinavica*, Vol. 21, pp. 3–18.

Gustavsson G. (2008) What Individualism Is and What Is Not: Or the Ideals of Pippi Longstocking and Lisa Simpson. *Uppsala University Working Paper*. Uppsala.

Hofstede G., Hofstede G. j., Minkov M. (2010). *Culture and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw Hill.

Huntford R. (1972) *The New Totalitarians*. London: Allen Lane.

Johnson R., Banting K., Kymlicka W., Soroka S. (2010) National Identity and Support for the Welfare State. *Canadian Journal of Political Science*, Vol. 43, No 2, pp. 349–377. doi: 10.107/S0008423910000089

Knudsen A.S.B. (2019) Those Who Stayed: Individualism, Self-Selection and Cultural Change during the Age of Mass Migration. *Discussion Paper No. 19-01*. Department of Economics. University of Copenhagen. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3321790>

Knudsen A.S.B. (2021) Those Who Stayed: Selection and Cultural Change in the Age of Mass Migration. <https://annesofiebeckknudsen.com/wp-content/uploads/2021/09/thosewhostayed.pdf> (accessed: 18.10.2021)

Minkov M. (2018) A Revision of Hofstede’s Model of National Culture: Old Evidence and New Data from 56 Countries. *Cross Culture and Strategic Management*, Vol. 25, No. 2, pp. 231–256. doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033

Minkov M., Kaasa A. (2021) A Test of the Revised Minkov-Hofstede Model of Culture: Mirror Images of Subjective and Objective Culture Across Nations and the 50 US States. *Cross-Cultural Research*, Vol. 55, No. 2–3, pp. 230–281. doi: 10.1177/10693971211014468

Myrdal’ G. (1958) *Mirovaya ekonomika: Problemy I perspektivy*. [World Economy: Problems and Prospects]. Izdatel’stvo Inostranoj Literatury. Moscow, Russia, 555 p. (in Russian).

Naumann I.K., Patterson L. (2020). Why Swedes Trust the State and Scots Do Not: An Explanation of the Diverse Protestant Roots of Modern Welfare Systems. *Journal of Historical Sociology*, Vol. 33, No. 4, pp. 473–488. Doi: 10.1111/johs. 12299.

Plevako N. S., Chernysheva O.V. (2019) *Mozhno li stat' shvedom? Politika adaptacii i integracii immigrantov v Shvecii posle Vtoroj mirovoj vojny. Izd. 2-e, dop.* [Is it possible to become a Swede? The Policy of Adaptation and Integration of Immigrants in Sweden after World War II. Second ed., enlarged]. KRASAND. Moscow, Russia. 320 p. (in Russian).

Pratt J. (2008) Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess. Part I: The Nature and Roots of Scandinavian Exceptionalism. *British Journal of Criminology*, Vol, 48, No. 2, pp. 119–137. doi: 10.1093/bjc/azm072

Sidel'nikova M. (2013) Odin kak vse. [One like everyone else]. *Vokrug sveta [Around the World]*. No. 6 (2873), pp. 98–106 (in Russian).

Tragårdh L. (2018) Is the “Swedish Model” of Social Democracy Endangered? The Nation, September 17, 2018. <https://www.thenation.com/article/achive/is-the-swedish-model-of-social-democracy-endangered/> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (2014a) Nordic Magic and the Paradox of Asocial Sociability. *Cliodynamics. The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution*, Vol. 5, No. 1, pp. 141–145. DOI 10.21237/C7clio5125318 <https://escholarship.org/uc/item/6xw505xh> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (2014b). Statist Individualism: The Swedish Theory of Love and Its Lutheran Imprint. in Halldorf J., Wenell F. (eds.) *Between the State and the Euharist: Free Church Theology in Conversation with W.T. Cavanaugh*. Eugene (Oregon). Pickwick, pp. 13–38.

Trägårdh L. (2013) The Historical Incubators of Trust in Sweden: From the Rule of Blood to the Rule of Law. in Reuter M., Wijkström F., Uggla Kristensson B. (eds.) *Trust and Organizations: Confidence across the Borders*. New York. Palgrave Macmillan, pp. 181–203.

Trägårdh L. (2012) The Swedish Model is the Opposite of the Big Society, David Cameron. *The Guardian*, February 10. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/feb/10/swedish-model-big-society-david-cameron> (accessed: 18.10.2021)

Trägårdh L. (1990) The Swedish Model or Swedish Culture? *Critical Review*, Vol. 4, No. 4, pp. 569–590. DOI: 10.1080/08913819008459622

Trägårdh L. (2020) The Swedish Social Contract. Social Trust and the Moral Economy of Reciprocity. *IPPR Progressive Review*, Vol. 27, No. 1, pp. 29–38. DOI: 10.1111.newe.12196

Triandis H.C., Gelfand M.J. (1998) Converging Measurement of Horizontal and Vertical Individualism and Collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 74, No. 1, pp. 118–128.

Triandis H.C. (2018) *Individualism and Collectivism*. New York; Abingdon Oxon. Routledge.